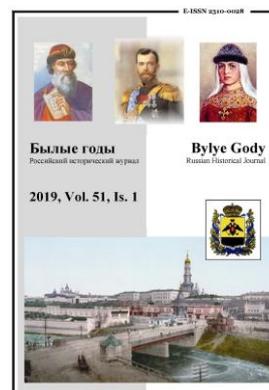

Copyright © 2019 by International Network Center for
Fundamental and Applied Research
Copyright © 2019 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the USA
Co-published in the Slovak Republic
Bylye Gody
Has been issued since 2006.

E-ISSN: 2310-0028
Vol. 51. Is. 1. pp. 357-365. 2019
DOI: 10.13187/bg.2019.1.357
Journal homepage: <http://ejournal52.com>

Archive and Memory: The Reconstruction of the Family Memory of the Late Russian Empire

Yulia A. Zherdeva ^{a, *}, Elena I. Sumburova ^a, Margarita V. Cherkasova ^b

^a Samara State University of Economics, Samara, Russian Federation

^b Samara State Institute of Culture, Samara, Russian Federation

Abstract

The article is devoted to the problems of reconstruction of the social memory based on the key events of the Russian history of the beginning of the XX century. The authors propose a method of reconstructing “family memory”, considering the autodocumentary texts of one family as a single “family archive” - a virtual repository of family memory modeled by the modern digital environment. Combining the memorial texts of the Russian noblemen Butorovs and Tatishchevs into one “family archive”, the authors restore the key components of their common memory. The study made it possible to see how the central component of the noble family values – the family estate – in wartime becomes the personification of a peaceful personal refuge, and during the period of emigration is perceived as a “lost paradise”. Concepts of education turned out to be closely interwoven into the system of gender identifications: in male texts, they set the movement of the future professional life, and in female texts, they give cause for regrets. Analyzing the attitude to power, the authors note the disappointment in the sacredness of imperial power among the younger generation of the family, and the nostalgic idealization of the royal power of the older generation.

Keywords: archive, memory, digitalization of memory, auto communicative texts, family archives, Russia, Boutorovs.

1. Введение

В современной культуре понятие «архив» утратило однозначность и узкую дисциплинарную принадлежность, превратившись в проблемное поле для исследований в области архивоведения, философии, культурологии, социологии, искусства. Этим обусловлены попытки разных авторов найти собственные методы, сформулировать новые принципы работы с архивом.

Социогуманитарные исследования сегодня ставят вопрос о том, что с изменением условий хранения памяти, распространением цифровой среды, появлением новых способов документации и сохранения воспоминаний (фото/видео-сервисы, облачные хранилища, социальные сети) меняется горизонт памяти. Если в прошлом он был ограничен физическими возможностями сознания индивида и социальными рамками памяти, то в цифровую эру он оказывается зависим от доступности и целостности медийного аккаунта. В условиях, когда человек может сохранить на внешнем носителе слишком многое, под угрозой оказываются сами механизмы запоминания, лежащие в основе человеческой культуры. В этой связи все более актуальным становится изучение механизмов работы памяти и выявление возможностей реконструкции личных и социальных детерминант памяти. Данное исследование посвящено проблемам реконструкции семейного архива.

В последнее время все более заметным становится такое направление социогуманитарного знания, как digital memory studies, изучающее среди прочего влияние информационной среды на формирование личных и социальных мемориальных архивов. Современная медиасреда,

* Corresponding author

E-mail addresses: jujuly@yandex.ru (Yu.A. Zherdeva), elena-sumburova@yandex.ru (E.I. Sumburova), marga-cheshirsky@yandex.ru (M.V. Cherkasova)

объединяющая единой виртуальной сетью различные точки физического пространства, как общественного (государственных архивохранилищ), так и частного (личных архивов), предоставляет исследователю возможность реконструировать «семейный архив» как целостный документальный комплекс даже тогда, когда физически документы этого комплекса находятся в разных архивах, у отдельных частных владельцев, в отдаленных странах и даже на разных континентах. Это новое условие бытования «семейных архивов» позволяет пересмотреть сегодня границы данного понятия и требует формирования новой методики работы с распределенными «семейными архивами».

2. Материалы и методы

2.1. Методы

В данной статье авторы предлагают методику реконструкции семейного архива российского дворянского рода Буторовых – Татищевых, анализируя архивные и опубликованные источники представителей этого рода и объединяя их в единый виртуальный «семейный архив». Целью этих изысканий является не составление всех документов рода в определенную совокупность, но поиск общей для данного рода памяти, представлений о себе и родственниках, общего языка восприятия и интерпретации событий, определение контекста, в котором разворачивались судьбы членов семьи.

Личный архив имеет определенную специфику, в определенном смысле он – упорядоченный хаос. С одной стороны, личный архив хаотичен, поскольку формируется фондообразователем в течение жизни спонтанно, без плана. С другой – он структурирован: любая фраза оценивалась автором как стоящая записи. Несомненно, автор эго-документа не описывал все случившееся за день, это невозможно, но избирал то, что достойно запоминания. Пытался упорядочить настоящее структурированием своей памяти. По словам Мишеля Фуко, «власть записи» сформировалась как существенно важная деталь механизмов дисциплины» (Фуко, 1999: 276). Таким образом, дневники, равно как и воспоминания, являются не столько отражением личности автора, сколько его представлением о своей памяти, о том, какой эта личная память должна быть.

Изучая дневниковые и мемуарные тексты, исследователь работает как с тем, что высказано, так и с тем, что не высказано, «забыто». Такой подход позволяет войти в пространство личной памяти автора дневников/воспоминаний, сделать ее и своей тоже, присвоить чужую память. Кроме того, сопоставление дневников/воспоминаний представителей одной семьи позволяет исследователю не только ориентироваться в пространстве чужой личной памяти, но и выявить те общие предпочтения и умолчания, которые свойственны представителям данного рода, другими словами – это дает возможность построить высказывание рода, выстроить невозможный в реальности диалог между представителями разных поколений одной семьи, представить коллективное высказывание рода.

В основе данного исследования лежит, таким образом, феноменологический подход. По словам одного из основоположников этого подхода в источниковедении, О.М. Медушевской, феноменология позволяет увидеть за эмпирической данностью явление (Медушевская, 2008: 8). Феноменологический подход исходит из системной целостности мира, взаимосвязанности, которую может установить исследователь. Именно он позволяет авторам предположить наличие системного единства в текстах представителей одной семьи, обусловленное общими мировоззренческими установками, семейными традициями, родовыми нормами, а также применить к данным текстам компаративистский инструментарий для поиска оснований идентификации феноменологического единства текстов.

Используемый авторами подход к реконструкции семейных архивов, предполагающий феноменологическое единство семейного архива, физически находящегося в разных архивохранилищах, но способного стать единым архивным комплексом внутри цифрового пространства, позволяет проследить не только объединяющие подобные документы родовые традиции, но и общие мотивы семейной памяти.

2.2. Материалы

Семейный архив Буторовых – Татищевых включает в себя ряд интересных воспоминаний об эпохе Первой мировой войны и времени крушения Российской империи. Буторовы – российский дворянский род Симбирской губернии, потомки известного партизана Отечественной войны 1812 г. Дениса Давыдова (См. подробнее: Сумбурова, 2015). Рассматриваемый как целостное явление, виртуальный семейный архив Буторовых включает в себя мемуары Софьи Николаевны Буторовой (урожденной Давыдовой), ее детей – Николая Владимировича Буторова и Юлии Владимировны Буторовой, а также ее зятя – Алексея Алексеевича Татищева. Среди этих мемориальных текстов есть как опубликованные, так и неопубликованные документы. Местом их физического хранения являются Сызрань и, вероятно, Париж. Половина этих текстов уже оцифрована (воспоминания Николая Буторова и Алексея Татищева) и хранятся на сайте Библиотеки русского зарубежья в сети Интернет.

Оставшиеся эго-документы – мемуары С.Н. Буторовой и дневники Ю.В. Буторовой – представлены в сети лишь во фрагментах и типографским способом никогда целиком не издавались. Центральным компонентом архива авторы считают дневники и письма Юлии Буторовой (в замужестве – Татищевой) 1914–1916 гг., хранящиеся в Сызрани (СФ ЦГАСО. Ф. 63). Это уникальный дневник, записанный на фронтах Первой мировой войны сестрой милосердия. На Восточном фронте

женских военных дневников известно крайне мало, а данный дневник оставался в практически полном забвении вплоть до недавнего времени. Воспоминания матери семейства, С.Н. Буторовой, были напечатаны ее внучкой в 1999 г. в Париже небольшим тиражом нетипографским способом и известны под названием «Мои воспоминания. 1862–1918». Их оригинал, вероятно, находится в семье Паскалис в Париже, а копия хранится в Сызрани вместе с дневниками дочери Юлии.

3. Обсуждение

Недавние исследования, посвященные архивам, ставят целый ряд новых научных проблем, среди которых одно из центральных мест занимает изучение процесса формирования социальной идентичности на уровне нации, государства, этноса, профессии, рода, семьи и пр. Здесь важным является как анализ роли архива в этом процессе, так и влияние самого этого процесса на архивную практику и теорию (Ketelaar, 2009).

Так, в американской архивной науке, испытавшей значительное влияние постмодернистских течений, обратившейся к профессиональной саморефлексии под воздействием работ Жака Деррида (Derrida, 1995), в 1990-х гг. родился призыв «открыть архивы!». Под открытием архивов подразумевалось не столько расширение доступа и популяризация архивных документов, но в первую очередь пересмотр концептуальных оснований архивной науки, «деконструкция архива», разоблачение его власти: «Архивисты постоянно изменяют, переосмысливают и заново изобретают архив. Такие архивные манипуляции демонстрируют власть над памятью и идентичностью, над фундаментальными способами, которыми общество ищет документальные подтверждения тому, откуда оно пришло и куда оно может идти» (Cook, Schwartz, 2002: 181).

В связи с этим требовался и пересмотр роли архивиста, который при новом понимании архива превращается в активного, творческого субъекта, балансирующего на грани между искусством и наукой (Ketelaar, 2011). Появляется даже термин «творческое архивирование» (Velios, 2011). Известный канадский архивист Терри Кук так описывал процесс смены архивной парадигмы: «Для архивистов смена парадигмы требует отхода от идентификации себя в качестве пассивных хранителей генетического наследия до возвеличивания своей роли в активном формировании коллективной (или социальной) памяти. Иными словами, архивный теоретический дискурс смещается от продукта к процессу, от структуры к функции, от архивов к архивированию, от записи к контексту записи, от “естественного” остатка или пассивного побочного продукта административной деятельности к сознательно сконструированной и активно опосредованной “архивизации” социальной памяти» (Cook, 2001: 4). Понимание архива не только как хранителя, но и как актора в конструировании социальной памяти и различных групповых идентичностей потребовало пересмотра архивной практики (Cook, 2013). Таким образом, к настоящему времени обозначился новый подход к определению сущности архива через понятие коллективной памяти. Это в свою очередь создает перспективы к переосмыслению методов работы с архивными фондами, особенно с так называемыми «семейными архивами».

В российском архивоведении на связь архивов с социальной памятью обращал внимание Б.С. Илизаров (Илизаров, 1985), понимание архивов как коллективной памяти обосновывала Т.И. Хорхордина (Хорхордина, 2003). Попытки применения творческого подхода в работе с архивами, в первую очередь с личными архивными фондами, встречаются в российской науке чаще всего у тех исследователей, которые не принадлежат к профессиональному архивному сообществу. Например, Т.И. Селина обращает внимание на формальный подход государственных архивов в структурировании и описании личных фондов и предлагает взглянуть на архив не только как на совокупность ценных документов, но и как на систему определенных идей и смыслов, что дает возможность для более глубокой интерпретации (Селина, 2016: 200).

Однако чаще российские исследователи прибегают к иным методам в работе по реконструкции архивных фондов: личный архив либо восстанавливается так, как он сложился при жизни фондообразователя, либо собирается коллекция всех возможных документов, написанных человеком и сохранившихся в архивах музеев, библиотек, университетов и пр.

Различные варианты реконструкции личных архивов имеют перед собой общую цель – представить целостную информационную систему, создающую возможность для успешной интерпретации исторических фактов, связанных с фондообразователем, приблизиться к пониманию исторической реальности. Такая проблематика близка источниковедению: «Реализованный продукт – исторический источник – восстанавливается в ходе исследовательских изысканий таким, каким его, возможно, не осознавали современники и сам автор: как явление культуры (данной эпохи, страны, народа, государства, личности). В свою очередь, воссоздав культурное явление как целое, гуманитарное знание получает новые возможности для постижения породившей данный феномен культуры» (Медушевская, 2008: 195). Близка к такому пониманию рассматриваемая отечественными исследователями методика реконструкции «виртуальной архивной коллекции», которая включает элементы источниковедения, архивоведения, архивной эвристики и устной истории (Лаптева, 2018: 163).

Важность поставленных задач толкает исследователей на поиск новых методов реконструкции исторических источников – архивных фондов. В условиях цифровой среды, которая меняет практически все современные повседневные социальные и антропологические практики, происходит

изменение архивов, создаваемых человеком. Новые условия ставят вопросы о цифровом наследии и наследстве, хранении и возможностях репрезентации личных архивов, «тирании непреходящей памяти» (*Digital Memory Studies*, 2017). В итоге у современного исследователя личных архивов прошлого появляется уникальная возможность удаленного доступа к этим архивам, с одной стороны, и возникает угроза не распознать в общем «цифровом шуме» персональное измерение сходных внешне массивов личных данных – с другой.

4. Результаты

Семейный архив Буторовых – Татищевых состоит из автодокументальных текстов разного происхождения. Большую их часть составляют воспоминания – тексты, адресованные потомкам и написанные гораздо позднее происшедших с их авторами событий. Единство этим текстам придает как время создания – 1920-е годы, так и содержание – в основных чертах это жизнь до эмиграции из России после революции 1917 г. и Гражданской войны 1917–1922 гг. Мемуары С.Н. Буторовой были написаны в Германии в 1920 г., а воспоминания ее сына Н.В. Буторова и зятя А.А. Татищева – во Франции и Швейцарии в 1927–1930-х гг. Каждый из этих текстов обрывается на событиях, предшествовавших времени написания приблизительно на 5–7 лет. Четвертый документ этого семейного архива уникален. Он представляет собой дневник, который вела Ю.В. Буторова – дочь С.Н. Буторовой и будущая жена А.А. Татищева – находясь на Юго-Западном фронте русской армии в 1914–1916 гг. Это сугубо личный документ, не предназначенный для постороннего читателя, и в этом смысле он является «исповедальным» текстом (*Претерпевший*, 2013). Дневник дополнен личными письмами Юлии Буторовой, адресованными ее фронтовому возлюбленному. На тетради с письмами рукой Юлии Буторовой подписано: «В случае моей смерти отдать Алексею Крейгелю», однако авторам удалось установить, что под этим именем следует понимать Алексея Николаевича Клейгельса. Вероятно, Юлия Владимировна хотела скрыть от случайного постороннего читателя имя подлинного адресата писем, понятное лишь ее фронтовым подругам.

Реконструкция «семейной памяти» (объединяющих всех членов семьи этических норм, моделей поведения, мировоззренческих установок, семейных привычек) по воспоминаниям, дневникам и письмам представителей одной семьи позволяет рассматривать эти семейные традиции как некое «высказывание рода», увидеть за частным, личным, – общее, семейное. Авторы выделяют несколько паттернов общих воспоминаний.

4.1. Образование и служба

Алексей Татищев и Николай Буторов являлись однокурсниками по Александровскому лицезу – знаменитому привилегированному высшему учебному заведению России. Окончив его в 1906 г., они оба воспользовались лицейским правом самостоятельно выбрать место будущей службы. Татищев в воспоминаниях отмечает, что обычно выпускники руководствовались «семейными традициями, наличием связей и знакомых в том или ином учреждении, реже – личными наклонностями» (*Татищев*, 2009: 33). Выбор Татищева был обусловлен скорее вторым. Еще будучи учеником, он написал лучшее в лицее конкурсное сочинение на экономическую тему «Переселение крестьян», посвященное актуальной для России начала XX века аграрной реформе. Увлечшись этим новым направлением российской политики, он поступил на службу в Главное управление землеустройства и земледелия, мечтая, как он признавался в эмиграции, о «самостоятельной, ответственной работе» (*Татищев*, 2009: 98). В отличие от целеустремленного Татищева, его однокурснику Николаю Буторову, по его собственному признанию, было все равно, куда поступать. В воспоминаниях он постоянно подчеркивает, что его более всего привлекала военная служба, однако он отказался от карьеры военного под влиянием матери и при выборе будущей профессии поступил примерно так, как дворяне использовали «русскую рулетку»: «отыскал себе [место] по справочной книжке «Весь Петербург» (*Буторов*, 2009: 5). Стремясь участвовать в государственной жизни, он выбрал работу в Государственном совете.

И Буторов, и Татищев пишут о том, что поначалу были разочарованы своей службой. Оба мечтали «работать для «общей пользы», в то время как на деле один (Татищев) составлял справки и записки для вышестоящего начальства, а второй (Буторов) – вырезал и клеил статьи на бумагу. Вскоре Буторов принял решение уйти в отставку, некоторое время путешествовал за границей, состоял чиновником особых поручений при симбирском губернаторе Д.Н. Дубасове, служил в Земском отделе Министерства внутренних дел, являлся советником Тургайского областного правления и, наконец, сотрудником Первого департамента Правительствующего сената (*Буторов*, 2009: 5, 9, 14). Карьера Татищева, напротив, складывалась целенаправленно и по восходящей – в решении того самого крестьянского вопроса, в котором он был заинтересован с самого начала. Он довольно быстро добился назначения на Дальний Восток в качестве руководителя одного из переселенческих пунктов и уже в ноябре 1912 г. получил должность начальника Туркестанского управления земледелия и государственных имуществ (*Татищев*, 2009: 142), надеясь в итоге дослужиться до места губернатора одной из сибирских губерний (*Татищев*, 2009: 202).

Женские тексты этой семьи дают гораздо меньше представлений об отношении к образованию и профессиональной карьере. Из них понятно лишь, что Софья Буторова поначалу обучалась в частной гимназии А.А. Оболенской в Санкт-Петербурге, готовившей девушек для получения высшего

образования. Однако после смерти матери бабушка, Софья Николаевна Чиркова, перевела внучку в «модный пансион» мадемуазель Труба, о чем Софья Буторова пишет с большим сожалением (Буторова, 1999: 9, 12). Из воспоминаний матери известно, что Юлия Буторова окончила одно из самых престижных учебных заведений для женщин в поздней Российской империи – Екатерининский институт (Буторова, 1999: 34). Она училась вместе с представительницами знатнейших российских семейств, была вхожа в придворные круги. В своих фронтовых дневниках сама Юлия Буторова ничего не пишет о времени своей учебы, однако часто описывает свои разговоры с мужчинами – руководителями Красного Креста или армии, и по тону дневника ясно, что она была очень горда свои умениями вести дискуссию, могла блеснуть глубокими познаниями и отличалась убежденностью взглядов. К примеру, она доказывала известному адвокату и одному из лидеров русского либерализма Василию Маклакову, что он был не прав, защищая на знаменитом процессе по «делу Бейлиса» бесосновательно обвиненного в «ритуальном убийстве» приказчика-еврея (СФ ЦГАСО. Ф. 63. Оп. 1. Д. 2. Л. 13-14). Современному читателю понятен «домовый антисемитизм» этой представительницы русского дворянства, близкий во многом придворной среде.

4.2. Семья

Одно из центральных мест в автодокументальных текстах рассматриваемого архива занимает семья. Семейные связи в них выглядят основными скрепами личной жизни. Представитель старшего поколения семьи, Софья Буторова, с заметной меланхолией вспоминает о поездках в имение старшего брата Николая Давыдова – Мазу, располагавшееся по соседству с ее поместьем, Вязовым. Для нее поездки к брату были возможностью увидеться с семьей: «Я ездила рано утром к обедне в Мазенскую церковь и после пила кофе и завтракала у моих милых Давыдовых. Я так любила этот день проводить с ними, что редко пропускала» (Буторова, 1999: 33). С еще большим чувством вспоминала она об отношениях с младшим братом Петром Давыдовым: «В самых затруднительных обстоятельствах он находил для меня удачный выход, и нигде я не чувствовала столько ласки и любви, как около него» (Буторова, 1999: 34). Похожим образом вспоминает об отношениях родственниками и представитель младшего поколения семьи Буторовых, сын Софьи – Николай. В его воспоминаниях есть, в частности, такой эпизод встречи с матерью: «Бросаюсь здороваться с матерью. «Не так поспешно, не так поспешно», – улыбаясь, говорит она. Но я так люблю ее, так люблю ее большие черные выразительные, такие ласковые глаза, что осыпаю поцелуями. «Ну, довольно, довольно, мой милый» (Буторов, 2009: 92).

В мирное время семья была прибежищем личных устремлений авторов, они много и эмоционально пишут о своих родовых «гнездах» – поместьях в европейской части России. Родовое имение выступает в мемуарах семьи Буторовых и Алексея Татищева идеалом семейного быта: это имение Вязовое в Сызранском уезде Симбирской губернии – для Буторовых, и Беяницы в Бежецком уезде Тверской губернии – для Татищева. «Вязовое было частичка меня, в него я так много положила труда, сил и духовных, и физических, и любви, что оно не могло не быть мне дорого» (Буторова, 1999: 33), – пишет о родовом имении Софья Буторова. Николай Буторов в своих воспоминаниях также с большим чувством описывает хутор Вязовой: «Как здесь прохладно и хорошо! Вбегаю в столовую. Из ее большого, открытого в сад окна, под которым цветет куст махровой темно-лиловой сирени, вливается в комнату столько и света, и ароматов, и радости, и счастья, что уже душа полна каким-то туманным восторгом» (Буторов, 2009: 92). Алексей Татищев даже замечает, что подобное отношение к родовому имению было типично для всего русского дворянства: «В представлении нас, детей, ничто и нигде не могло быть выше Беяниц, и мы готовы были жертвовать чем угодно, лишь бы провести там лишнюю неделю. ... Само собой разумеется, что приблизительно такое же чувство к «своей» усадьбе мы видели у всех своих сверстников и любой из родственных или знакомых семей» (Татищев, 2009: 18-19).

В военное время в автокоммуникативных текстах Буторовых семья уходит вглубь эмоциональных переживаний, замещаясь яркими событиями политического быта – войной и революцией. К примеру, Юлия Буторова часто упоминает семью только в первые месяцы своего пребывания на фронте. В 1914 – начале 1915 гг. на страницах дневника чаще всего появляется ее мать. Еженедельно, а порой и ежедневно, она пишет о том, что не получает от родных писем, переживает, представляет их волнение о себе самой, своем брате и зяте, которые также находятся на фронте, просит знакомых при случае позвонить им в Петербург. Особое место в дневнике Буторовой занимает ее племянница, дочь младшей сестры Ольги – София. Незамужняя в то время Юлия Буторова, не имевшая еще своих детей и ушедшая на фронт, в том числе из-за потребности освободиться от сковывавших ее мыслей о собственном замужестве, в первые месяцы войны сильно скучает по девочке. Больше всего она беспокоится о том, чтобы получить ее фотографию, и только после этого пишет удовлетворенно: «Теперь я развесила все фотографии, и мне приятно иметь их всех около меня» (СФ ЦГАСО. Ф. 63. Оп. 1. Д. 2. Л. 38-39). В дневниках Юлии Буторовой Вязовое предстает символом счастливой довоенной жизни. Она вспоминает свое родовое «гнездо», встречая в Галиции разоренные войной поместья и разграбленные усадьбы: «Невольно глядя на это разорение, вспомнилось наше Вязовое. Как было бы ужасно, если в него ворвались бы люди и устроили такой привал. Выломали бы деревья, уничтожили все мелочи, которые для них ничего не значат, а для живущих вызывают рой воспоминаний, составляют кусочки жизни» (СФ ЦГАСО. Ф. 63. Оп. 1. Д. 2. Л. 19).

4.3. Отношение к власти

Отношение к власти ярче всего выражено в мужских текстах рассматриваемого семейного архива. И Николай Буторов, и Алексей Татищев, как представители известных дворянских родов, были близки ко двору, хотя и не входили в ближний круг царедворцев. Воспитанные в монархических традициях и православной вере, мемуаристы отмечают, что новые либеральные веяния начала XX в. в какой-то мере повлияли и на их убеждения. Например, Татищев, описывая представление Государю по случаю получения придворного звания камер-юнкера в 1911 г., отметил, что, «как и при предыдущем [представлении] по окончании Лицея, не испытал того чувства трепета перед властью и обожания к монарху, о котором так часто рассказывалось и читалось в отношении наших отцов и дедов» (Татищев, 2009: 97). Он объясняет случившееся тем, что это чувство вообще исчезло у людей их поколения, а также влиянием «воздуха свободы» дней Первой русской революции 1905–1907 гг., которая пришлась как раз на начало их служебной карьеры (Татищев, 2009: 32).

Непродуманные действия власти, военного командования и российских политиков в годы Первой мировой войны привели к разочарованию общества во власти и росту оппозиционных настроений. Выпускники Александровского лицея, люди думающие и неравнодушные, конечно, подмечали недостатки происходивших событий. Николай Буторов в своих воспоминаниях отмечает распад царской армии. «Всего не припомнишь, и все это, вопреки военной истине, что подчиненные должны исполнять, а не рассуждать, давало почву для рассуждений и недовольства рядового офицерства штабами, а солдат – офицерством вообще. Авторитет начальников, вера в них колебались» (Буторов, 2009: 48). Алексей Татищев подмечает роковые ошибки, которые были допущены властью в тылу в отношении беженцев: «Политика эта была, несомненно, ошибочной. Она избавляла наших врагов от необходимости кормить ненужное им в военном смысле население, надолго загромоздило нашу железнодорожную сеть вагонами с десятками, если не сотнями тысяч разоренных семейств и создала в глубине России очаги незанятого люда, способствующие росту общего недовольства и брожения» (Татищев, 2009: 222).

Падение российской монархии не стало неожиданностью ни для Буторова, ни для Татищева. Татищев, вспоминая о настроениях в российском обществе в феврале 1917 г., отмечал, что было «впечатление полной капитуляции правительства» (Татищев, 2009: 260). События 25 октября 1917 г. мемуаристы не приняли. Буторов считал, что Ленин «уверенно повел Россию на Голгофу». По его мнению, в России «загремела стенька-разинщина, грубо подкрашенная под теории Маркса» (Буторов, 2009: 64). Оба мемуариста приняли участие в Гражданской войне: Буторов – на стороне Белой армии, но после ее поражения на Севере России в начале 1920 г. семья Буторовых эмигрировала в Европу. Татищев сначала попытался служить советскому правительству, однако впоследствии окончательно примкнул к его противникам, оставаясь при этом на гражданской службе и до последнего пытаясь принять участие в решении земельного вопроса в России. После поражения Врангеля он эмигрировал в Константинополь, а затем уехал в Европу. Пронзительную запись оставил он о своих последних днях в России в мемуарах: «Странно – у меня не было чувства, что покидаю Россию навсегда» (Татищев, 2009: 357). Похожим образом описывает София Буторова чувства, охватившие ее при отъезде из Вязового в начале октября 1917 г.: «Я уехала с маленьким сундучком, в который положила окорок, масла, цветной капусты, варенья и яблок для моей дочери и внукам; и взяла только немного белья и одно платье, ...я не чувствовала в тот момент, что уезжаю из моего милого Вязового навсегда. Я уезжала почему-то уверенная, что через месяц обязательно вернусь назад» (Буторова, 1999: 57).

5. Заключение

В доцифровую эпоху дневники и частная переписка, а также мемуары-автобиографии, нередко адресованные прямым потомкам, если не уничтожались самим автором или адресатом, то часто хранились небрежно либо гибли и редко сохранялись как целостное высказывание рода. Поиск и использование этих источников до сих пор представляет немалую трудность для исследователя. В современном цифровом мире выявление и систематизация автодокументальных текстов прошлого, например, представителей одной семьи, может стать полезным инструментом их феноменологического анализа. Цифровизация социальной памяти позволяет объединить в единый комплекс личных данных архивные документы, принадлежавшие, с точки зрения классической архивной науки, к разным типам архивных хранилищ. Рассматриваемый в таком виртуальном единстве «семейный архив», как показало исследование мемориальных документов семьи Буторовых – Татищевых, расширяет исследовательские возможности и позволяет приблизиться к реконструкции такого сложного и с трудом поддающегося историческому исследованию явления, как «семейная память».

Исследование показало, как центральный компонент дворянских семейных ценностей – родовое имение – превращается в военное время в олицетворение мирного микрокосма, а в период эмиграции становится олицетворением «потерянного рая». Концепты воспитания и образования в рассматриваемых семейных текстах оказались тесно вплетены в систему гендерных идентификаций: в мужских текстах они задают движение будущей профессиональной жизни, а в женских оказываются на периферии ценностной иерархии. Наконец, столь важный компонент системы

ценностей русского дворянства, как отношение к власти, позволяет отметить плохо скрываемое разочарование в сакральности императорской власти в текстах тех представителей семьи, которые побывали на гражданской или военной службе в годы Первой мировой и Гражданской войн, и ностальгическую идеализацию монаршей власти у старшего поколения семьи. Дальнейшее исследование возможностей реконструкции распределенного семейного архива позволит приблизиться к пониманию феномена семейной памяти и возможностей ее архивирования в цифровой среде.

6. Благодарности

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и Правительства Самарской области в рамках научного проекта №18-49-630006 «Семейные архивы: проблемы реконструкции и археографии (на примере архива Ю.В. Буторовой)».

Литература

- Буторов, 2009 – Буторов Н.В. Прожитое. 1905–1920. М., 2009. 148 с.
- Буторова, 1999 – Буторова С.Н. Мои воспоминания. 1862–1917. Париж, 1999. 98 с.
- Илизаров, 1985 – Илизаров Б.С. Роль ретроспективной социальной информации в формировании общественного сознания (В свете представлений о социальной памяти) // *Вопросы философии*. 1985. № 8. С. 60–69.
- Лаптева, 2018 – Лаптева Т.Н. Значение термина «реконструкция архивного фонда» в отечественной историографии // *Вестник архивиста*. 2018. № 1. С. 155–168.
- Медушевская, 2008 – Медушевская О.М. Теория и методология когнитивной истории. М., 2008. 361 с.
- Претерпевший, 2013 – «Претерпевший до конца спасен будет». Женские исповедальные тексты о революции и гражданской войне в России / Сост. О.Р. Демидова. СПб., 2013. 260 с.
- Селина, 2016 – Селина Т.А. Личный архив Я.А. Чеснова: реконструкция творческого наследия ученого средствами системного подхода // *Гуманитарий Юга России*. Т. 18. № 2. С. 197–211.
- Сумбурова, 2015 – Сумбурова Е.И. Первая мировая война женскими глазами: по дневникам Ю.В. Буторовой // *Человек и общество в условиях войн и революций: материалы Второй Всероссийской научной конференции*. Самара, 2015. Вып. 2. С. 63–68.
- СФ ЦГАСО – Сызранский филиал Центрального государственного архива Самарской области.
- Татищев, 2009 – Татищев А.А. Земля и люди: В гуще переселенческого движения (1906–1921). М., 2009. 362 с.
- Фуко, 1999 – Фуко П.М. Надзирать и наказывать: Рождение тюрьмы. М.: 1999. 480 с.
- Хорхордина, 2003 – Хорхордина Т.И. Российская наука об архивах: история. Теория. Люди. М., 2003. 525 с.
- Cook, 2001 – Cook T. Archival Science and Postmodernism: New Formulations for Old Concepts // *Archival Science*. 2001. Issue 1. P. 3–24.
- Cook, 2013 – Cook T. Evidence, Memory, Identity, and Community: Four Shifting Archival Paradigms // *Archival Science*. 2013. Issue 13. P. 95–120.
- Cook, Schwartz, 2002 – Cook T., Schwartz J.M. Archives, Records, and Power: from (postmodern) Theory to (archival) Performance // *Archival Science*. Issue 2. P. 171–185.
- Derrida, Prenowitz, 1995 – Derrida J., Prenowitz E. Archive Fever: Freudian Impression // *Diacritics*. 1995. Vol. 25. № 2. P. 9–63.
- Digital Memory Studies, 2017 – Digital Memory Studies: Media Pasts in Transition / Ed. A. Hoskins. New York, 2017. 314 p.
- Ketelaar, 2009 – Ketelaar E. The Genealogical Gaze: Family identities and Family Archives in the Fourteenth to Seventeenth Centuries // *Libraries & the Cultural Record*. Vol. 44. No. 1. P. 9–28.
- Ketelaar, 2011 – Ketelaar E. Archivistics: Science or Art? // *The Future of Archives and Recordkeeping. A Reader*. London, 2011. P. 89–100.
- Velios, 2011 – Velios A. Creative Archiving: a Case Study from the John Latham Archive // *Journal of Society of Archivists*. Vol. 32. № 2. P. 255–271.

References

- Boutorov, 2009 – Boutorov N.V. (2009). Prozhitoe [Lived]. 1905-1920. Moscow. 148 p. [in Russian]
- Boutorova, 1999 – Boutorova S.N. (1999). Moi vospominaniya [My Memoirs]. 1862-1917. Paris. 98 p. [in Russian]
- Cook, 2001 – Cook T. (2001). Archival Science and Postmodernism: New Formulations for Old Concepts. *Archival Science*, No 1. pp. 3–24.
- Cook, 2013 – Cook T. (2013). Evidence, Memory, Identity, and Community: Four Shifting Archival Paradigms. *Archival Science*, No 13. pp. 95–120.
- Cook, Schwartz, 2002 – Cook T., Schwartz J.M. (2002). Archives, Records, and Power: from (postmodern) Theory to (archival) Performance. *Archival Science*, No 2. pp. 171–185.

- Derrida, Prenowitz, 1995 – Derrida J., Prenowitz E. (1995). Archive Fever: Freudian Impression. *Diacritics*, vol. 25, No 2. pp. 9–63.
- Digital Memory Studies, 2017 – Digital Memory Studies: Media Pasts in Transition / Ed. A. Hoskins. New York, 2017. 314 p.
- Endured, 2013 – “Endured to the End it will be Saved”: Female Confessionary Texts about Revolution and the Civil War in Russia. / Ed. O.R. Demidova. St. Petersburg. 264 p. [in Russian]
- Foucault, 1999 – Foucault P.M. (1999). Nadzirat' i nakazyvat': Rozhdenie tyur'my [Discipline and Punish: The Birth of the Prison]. Moscow. 480 p. [in Russian]
- Iizarov, 1985 – Iizarov B.S. (1985). Rol' retrospektivnoj social'noj informacii v formirovanii obshchestvennogo soznaniya (V svete predstavlenij o social'noj pamyati) [The role of retrospective social information in the formation of public consciousness. (In the light of ideas about social memory)]. *Questions of philosophy*, No 8. p. 60–69. [in Russian]
- Ketelaar, 2009 – Ketelaar E. (2009). The Genealogical Gaze: Family identities and Family Archives in the Fourteenth to Seventeenth Centuries. *Libraries & the Cultural Record*, vol. 44, No. 1. pp. 9–28.
- Ketelaar, 2011 – Ketelaar E. (2011). Archivistics: Science or Art? *The Future of Archives and Recordkeeping. A Reader*. London. pp. 89–100.
- Khorkhordina, 2003 – Khorkhordina T.I. (2003). Rossijskaya nauka ob arhivah: istoriya. Teoriya. Lyudi [The Russian Science about Archives: History. Theory. People]. Moscow. 525 p. [in Russian]
- Lapteva, 2018 – Lapteva T.N. (2018). Znachenie termina ‘rekonstruktsiya arkhivnogo fonda’ v otechestvennoj istoriografii [The meaning of the term ‘reconstruction of the archival fond’ in the Russian historiography. In Russ.]. *Herald of an Archivist*, No. 1. pp. 155–168. [in Russian]
- Medushevskaya, 2008 – Medushevskaya O.M. (2008). Teoriya i metodologiya kognitivnoj istorii [Theory and Methodology of the Cognitive History]. Moscow, Russian State University for the Humanities. 361 pp. [in Russian]
- SB CSASR – Syzran Branch of the Central State Archive of the Samara Region. [in Russian]
- Selina, 2016 – Selina T.I. (2016). Lichnyj arhiv Ya.V. Chesnova: rekonstruktsiya tvorcheskogo naslediya uchenogo sredstvami sistemnogo podhoda [Personal Archive of Ya.V. Chesnov: Reconstruction of the Scientist’s Artistic Legacy by Means of System Approach]. *Humanist of the South of Russia*, vol. 18. No 2. pp. 197–211. [in Russian]
- Sumburova, 2015 – Sumburova E.I. (2015). Pervaya mirovaya vojna zhenskimi glazami: po dnevnikiam Yu.V. Butorovoj [World War I by Female Eyes: According to Diaries of Yu.V. Butorova]. *Person and Society in the Conditions of Wars and Revolutions: Materials of the Second All-Russian Scientific Conference*. Samara. Issue 2. pp. 63–68. [in Russian]
- Tatishchev, 2009 – Tatishchev A.A. (2009). Zemlya i lyudi: V gushche pereselencheskogo dvizheniya [Earth and People: In the Thick of the Resettlement Movement] (1906–1921). Moscow. 362 pp. [in Russian]
- Velios, 2011 – Velios A. (2011). Creative Archiving: a Case Study from the John Latham Archive. *Journal of Society of Archivists*, vol. 32, No 2. pp. 255–271.

Архив и память: проблемы реконструкции семейной памяти о поздней Российской империи

Юлия Александровна Жердева ^{a, *}, Елена Ивановна Сумбунова ^a,
Маргарита Владимировна Черкасова ^b

^a Самарский государственный экономический университет, Самара, Российская Федерация

^b Самарский государственный институт культуры, Самара, Российская Федерация

Аннотация. Статья посвящена проблемам реконструкции социальной памяти о ключевых событиях Российской истории начала XX века по автодокументальным документам. В фокусе внимания авторов – понимание иерархии личных ценностей, отношение к воспитанию и образованию разных поколений семьи, восприятие власти и понимание событий, определивших историческое развитие страны. Авторы предлагают методику реконструкции «семейной памяти», рассматривая автодокументальные тексты одной семьи как единый «семейный архив» – виртуальное хранилище семейной памяти, моделируемое современной цифровой средой. Классическая архивная наука понимает под семейным архивом совокупность документов, находящихся в одном архивохранилище. Это затрудняет исследование семейного архива как общего «высказывания рода» в том случае, если автодокументальные тексты представителей разных поколений семьи сохранились в различных, иногда существенно удаленных друг от друга хранилищах. Объединяя в один «семейный архив» мемориальные тексты российских дворян Буторовых и Татищевых, авторы

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: jujuly@yandex.ru (Ю.А. Жердева),

elena-sumburova@yandex.ru (Е.И. Сумбунова), marga-cheshirsky@yandex.ru (М.В. Черкасова)

восстанавливают ключевые компоненты их общей памяти. Исследование позволило увидеть, как центральный компонент дворянских семейных ценностей – родовое имя – превращается в военное время в олицетворение мирного личного прибежища, а в период эмиграции воспринимается как «потерянный рай». Концепты воспитания и образования оказались тесно вплетены в систему гендерных идентификаций: в мужских текстах они задают движение будущей профессиональной жизни, а в женских служат поводом для сожалений. Анализируя отношение к власти, авторы статьи отмечают разочарование в сакральности имперской власти у младшего поколения семьи и ностальгическую идеализацию монаршей власти у старшего.

Ключевые слова: архив, память, цифровизация памяти, автодокументальные тексты, семейные архивы, Россия, Бугорovy.